

народ и партию, заставить всех поверить в существование разветвленной сети врагов и шпионов и на этом основании получить в свои руки чрезвычайные полномочия в качестве «спасителя» Советского государства.

Немалое значение имело и стремление свалить на «врагов народа» все политические и экономические трудности. Любому деспоту, насаждающему культ своей личности, нужен козел отпущения. Если в 1928–1932 годах таким козлом отпущения были кулаки и «буржуазная интеллигенция», то в середине 30-х годов — бывшие члены различных оппозиций.

Логика борьбы за власть в стране и в партии, логика преступления вела Сталина к уничтожению под прикрытием политических процессов 30-х годов основных кадров партии и государства, всех неугодных ему деятелей науки, культуры, независимо от того, принимали они участие в каких-либо оппозициях или нет. Все происшедшее до сих пор было только прологом и прикрытием еще более страшной и массовой террористической кампании. <...>

Л. Д. ТРОЦКИЙ **<СОВЕТСКИЙ ТЕРМИДОР>**

<Фрагменты главы из книги Л. Троцкого «Сталин»>

Более оседлая и уравновешенная жизнь бюрократии порождает потребность к комфорту. Сталин, сам продолжающий жить сравнительно скромно, по крайней мере с наружной стороны, овладевает этим движением к комфорту, он распределяет наиболее выгодные посты, он подбирает верных людей, награждает их, он помогает им увеличивать свое привилегированное положение. Каждый вопрос интересует его прежде всего с точки зрения подбора кадров, одушевление аппарата, обеспечения своего личного руководства. Так, не порывая формально с прошлым, он из революционера рабочей партии становится вождем нового привилегированного слоя. <...>

Сталин, роль которого в гражданской войне была второстепенной, стал теперь в первом ряду тех, которые устали от гражданской войны, от ее испытаний и терроризма и требовали перехода на мирное положение. Тем самым возродилась и

оживилась классовая борьба между верхними слоями мелкой буржуазии и рабочими. Государственная власть выступала в качестве регулятора этой классовой борьбы и тем самым улучшала независимость от рабочих организаций. Такова основа термидорианского перерождения государственного аппарата. Вернее, не основа, а исходная причина и первая глава этого перерождения. <...>

Здесь, несомненно, сказалось маневренное комбинаторское искусство Сталина, правда в очень благоприятной для него лично обстановке. Он использовал правую для исключения левой оппозиции, ибо только у правого крыла были серьезные принципиальные основы бояться левой политики. Но так как исключение левой оппозиции вызвало в широких кругах партии раздражение, недовольство правым крылом, то Сталин сумел использовать это недовольство для удара против правых. Он все время оставался если не примирителем, то умиротворяющим элементом, который будто бы стремился свести к минимуму неизбежные жертвы и который сумел при этом возлагать ответственность за суровые меры на то или другое крыло партии. <...>

Блок с Зиновьевым и Каменевым сдерживал Сталина. Как-никак они прошли длительную школу Ленина, они ценили идею, программу и хотя позволяли себе под видом военных хитростей чудовищные отступления от программы, нарушения идейной линии, все это все же в известных пределах. Раскол тройки снял со Сталина идейные ограничения. В Политбюро члены совершенно перестали стесняться невежества. Аргумент потерял силу. Особенное бесстыдство проявлялось в вопросах Коминтерна. <...>

После раскола тройки Политбюро пополнилось людьми случайными, отмеченными только готовностью поддерживать Сталина против других. В Политбюро ворвались совсем чуждые настроения, новые пришельцы соперничали друг с другом в обнаружении своей враждебности к оппозиции, в готовности поддержать каждый шаг «вождя», стремлении превзойти друг друга в грубости. Людям, как Ворошилов, Рудзутак, Микоян, которые ранее с благоговением относились к ЦК и Политбюро, теперь показалось, что все это был миф, раз они сами могут чувствовать себя господами Политбюро. От атмосферы горных высот не осталось ничего.

К этому времени (1924) относится задушевная беседа Сталина, Дзержинского и Каменева за бутылкой вина на даче. На вопрос, что каждый больше всего любит в жизни, разогретый Сталин ответил с необычной откровенностью: «Наметить жертву, все подготовить, беспощадно отомстить, а потом пойти спать». Об этом разговоре не раз передавал впоследствии Каменев, когда порвал со Сталиным. Каменев опасался худшего со стороны своего бывшего союзника, но все же он не предвидел той страшной мести, которой отомстил ему Сталин после долгой подготовки. Хорошо ли спал Сталин в ночь после расстрела Каменева, Зиновьева и других, об этом у меня сведений нет.

Период болезни Ленина Сталин широко использовал для подбора людей, ему преданных. Сталин всякое положение, всякую политическую обстановку, всякую комбинацию людей примеривал к себе, к своей борьбе за власть, к своему стремлению господствовать над другими. Если это ему было интеллектуально не по плечу, он сталкивал двух наиболее сильных конкурентов. Искусство пользоваться личными или групповыми антагонизмами было доведено им до большой высоты. На этот счет у него выработался почти безошибочный инстинкт. Перед каждой новой обстановкой он первым делом спрашивал себя: что он лично может из нее извлечь? Когда интересы целого приходили в конфликт с его личными интересами, он всегда неизменно жертвовал интересами целого, если только, разумеется, его нельзя было непосредственно подвергнуть контролю, иначе сказать, он соблюдал интересы партии, если они совпадали с его личными интересами, направленными на влияние и власть. Безошибочным инстинктом и неутомимой настойчивостью он всегда при всяком случае, по всякому поводу делал то, что может причинить затруднение другому сопернику, более сильному; с другой стороны, он почти с такой же настойчивостью стремился вознаградить поддержку, всякий акт личной верности. Наиболее яркий пример: истребление лучших советских полководцев. Отзыв Бухарина: он не может терпеть, когда у другого что-нибудь есть, чего у него нет.

В 1925 году Сталин взял под защиту Зиновьева и Каменева против моей критики их поведения в 1917 году. «Вполне возможно, что кое-кто из большевиков, — писал он, — действительно хныкал в связи с июльским поражением. Мне известно,

например, что кое-кто из арестованных тогда большевиков готов был покинуть даже наши ряды. Но умозаключить отсюда против некоторых будто бы правых (будто бы членов ЦК) — значит, безбожно исказить историю».

В этой цитате, так решительно берущей под защиту Зиновьева и Каменева, интересно вскользь брошенное замечание о кое-ком из арестованных тогда большевиков. Сталин метил в Луначарского. В бумагах следствия найдены были показания Луначарского на следствии, данные после июльских дней, отнюдь не делавшие чести его политическому мужеству. Но не это имело для Сталина решающий характер. В 1923 году Луначарский выпустил свои «Силуэты вождей революции», в число которых Сталин не был включен, не потому что Луначарский был против Сталина, а потому что ему, как и всем другим, не приходило в голову причислять Сталина к числу «вождей революции». В 1925 году положение изменилось. Сталин поставил Луначарскому ультиматум: изменить свою политику либо пасть в жертву разоблачения. Именно поэтому Луначарский не назван по имени. Ему дается известный срок выравнивания фронта. Луначарский во всяком случае, понял, о ком идет речь, и радикально изменил свою позицию. Его июльские грехи были немедленно отпущены. <...>

Когда сложилась тройка оппозиции (Троцкий, Зиновьев, Каменев), в партии ходила острота: Каменева они терпят, но не уважают; Зиновьева они не терпят и не уважают; Троцкого они не терпят, но уважают. Это с известной меткостью характеризовало отношение бюрократии к главарям оппозиции.

Осенью 1925 г. Сталин прекратил заседания триумvirата, привлекая к себе большинство в Политбюро. Еще в апреле 1925 г. я был смещен с поста главы военного ведомства. Моим преемником стал Фрунзе, старый революционер, прошедший годы на каторге. Не будучи политически крупной фигурой, он обнаружил в гражданской войне несомненные качества полководца и твердый характер. На посту руководителя вооруженных сил ему суждено было оставаться недолго: уже в ноябре 1925 г. он скончался под ножом хирурга. Но за эти немногие месяцы Фрунзе проявил слишком большую независимость, охраняя армию от опеки ГПУ: это было то самое преступление, за которое погиб 12 лет спустя маршал Тухачевский. Оппозиция нового главы военного ведом-

ства создавала для Сталина огромные опасности; ограниченный и покорный Ворошилов представлялся ему гораздо более надежным инструментом. Бажанов¹ изображает дело так, что у Фрунзе был план государственного переворота. Это только догадка, и притом совершенно фантастическая. Но, несомненно, Фрунзе стремился освободить командный состав от ГПУ и ликвидировал в довольно короткий срок комиссарский корпус. Зиновьев и Каменев уверяли меня впоследствии, что Фрунзе был настроен в их пользу против Сталина. Факт во всяком случае таков, что Фрунзе сопротивлялся операции.

Из всех данных ход вещей рисуется так. Фрунзе страдал язвой желудка, но считал, вслед за близкими ему врачами, что его сердце не вынесет хлороформа, и решительно восставал против операции. Сталин поручил врачу ЦК, т. е. своему доверенному агенту, созвать специально подобранный консилиум, который рекомендовал хирургическое вмешательство. Политбюро утвердило решение. Фрунзе пришлось подчиниться, т. е. пойти навстречу гибели от наркоза. Обстоятельства смерти Фрунзе нашли преломленное отражение в рассказе известного советского писателя Пильняка. Сталин немедленно конфисковал рассказ и подверг автора официальной опале. Пильняк должен был позже публично каяться в совершенной им «ошибке». Со своей стороны, Сталин счел нужным опубликовать документы, которые должны были косвенно установить его невиновность в смерти Фрунзе. Права ли была в этом случае партийная молва, я не знаю; может быть, никто никогда не узнает. Но характер подозрения сам по себе знаменателен. Во всяком случае, в конце 1925 г. власть Сталина была уже такова, что он смело мог включать в свои административные расчеты покорный консилиум врачей и хлороформ, и нож хирурга. Между тем в стране вряд ли больше одного процента населения знало в то время его имя. <...>

Был ли тогда уже Сталин способен на такую комбинацию? Все данные его биографии заставляют ответить утвердительно. Со времен тифлисской семинарии он влачит за собою хвост зловещих подозрений и обвинений. Во время гражданской

¹ *Бажанов Борис Георгиевич* — личный секретарь Сталина (1923–1927). Бежал в 1928 г. из СССР; в 1930 г. опубликовал «Воспоминания бывшего секретаря Сталина».

войны он лизнул крови. Чернила и печатная бумага казались ему слишком ничтожными средствами в политической борьбе. Только мертвые не пробуждаются! После того как Зиновьев и Каменев порвали со Сталиным в 1925 г., оба поместили в надежном месте письма: «Если мы погибнем внезапно, знайте, что это дело рук Сталина». Они советовали мне сделать то же самое. «Вы воображаете, — говорил Каменев, — что Сталин озабочен тем, как ответить на ваши доводы? Нет, он размышляет над тем, как ликвидировать вас безнаказанно». «Помните арест Султан-Галиева, бывшего председателя татарского совнаркома в 1923? — продолжал Каменев. — Это был первый арест видного члена партии, произведенный по инициативе Сталина. Мы с Зиновьевым, к несчастью, дали свое согласие. С того времени Сталин как бы лизнул крови... Как только мы порвали с ним, мы составили нечто вроде завещания, где предупреждали, что в случае нашей „нечаянной“ гибели виновником ее надлежит считать Сталина. Документ этот хранится в надежном месте. Советую вам сделать то же самое: от этого азиата можно ждать всего...»

Зиновьев говорил мне в первые недели нашего недолговечного блока (1926–1927): «Вы думаете, что Сталин не взвешивал вопроса о вашем физическом истреблении? Взвешивал, и не раз. Его останавливала одна и та же мысль: молодежь возложит ответственность на „тройку“ или лично на него и может прибегнуть к террористическим актам. Сталин считал поэтому необходимым разгромить предварительно кадры оппозиционной молодежи. А там, мол, видно будет... Его ненависть к нам, особенно к Каменеву, вызывается тем, что мы слишком многое знаем о нем». Зиновьев прибавил: «Он бы покончил с вами еще в 1924 г., если бы не боялся в ответ террористических актов со стороны молодежи». Это не были догадки. Во время медовых месяцев триумвирата члены его разговаривали с достаточной откровенностью. <...>

Ограниченность партии как исторического орудия в том и выразилась, что с удобного момента партия начала расшатываться, в ней появились трещины. С 1923 года в слабой степени, с 1927 — в грандиозной степени происходит процесс ломки, крушения, разрушения старой большевистской партии и разрушение ее кадров. Для установления того режима, который

справедливо называется сталинским, нужна была не большевистская партия, а истребление большевистской партии. <...>

Сперва Сталин не доверял, и нередко вполне основательно, покаяниям, опасаясь применения политики троянского коня. С течением времени, путем контроля, отбора, обысков, перлюстрации переписки и т. д. это опасение отпало. В партии были восстановлены, правда на второстепенных советских постах, те, кто искренне покаялись. Но когда наступила пора московских театральных процессов, все эти бывшие члены оппозиции, хорошо знакомые с условиями оппозиции, хорошо знавшие вождей оппозиции и действительное содержание их работы, становились величайшей опасностью для адского замысла истребления старшего поколения революционеров. В населении оказались рассеяны многие тысячи, десятки тысяч свидетелей оппозиционной деятельности Троцкого, Зиновьева, Каменева и других. Они могли шепнуть ближайшим друзьям, что обвинение есть подлог. От друзей к друзьям это обличение могло распространиться по всей стране. Опасных свидетелей надо было устранить.

Но было и другое соображение более близкого личного характера, которое, несомненно, играло немалую роль в политической психологии Сталина. Параллельно с истреблением оппозиции шло его личное обоготворение. Шла перестройка его биографии, ему приписывались черты, которых он не имел, качества, которыми он не располагал, подвиги, которых он не совершал. Между тем среди оппозиционеров и вполне искренно раскаявшихся были сотни и тысячи людей, которые с ним близко соприкасались, которые знали его прошлое, которые разделяли с ним тюрьмы и которых нельзя было обмануть, хотя бы они и делали все от них зависящее, чтобы быть обманутыми. По мере того как прежде в пропаганде, в печати, в школах поднималась волна отвратительного византийства, Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и которые сознательно говорили ложь в качестве доказательства своей верности вождю. К преданным, но знающим прошлое Сталин относился, пожалуй, с большей враждою, с большей неприязнью, чем к открытым врагам. Ему нужны были люди без прошлого, молодежь, которая не знала вчерашнего дня, или перебежчики с другого лаге-

ря, которые с первых дней смотрели на него снизу вверх, ему необходимо было полное обновление всего партийного и советского аппарата.

Правда, он не мог довести этой работы до конца. Для поддержания видимости правления с большевистской партией необходимо было на верхах ее Политбюро сохранить группу старых большевиков. Эта группа из фигур второго, третьего и следующих рядов подбиралась постепенно в процессе борьбы с разными оппозиционными группировками. Каждого из них Сталин ставил по возможности в такое положение, когда он должен был предавать своих вчерашних друзей и единомышленников и выступать против них с бешеной клеветой. Таково было поведение Калинина по отношению к так называемой рабочей оппозиции, затем по отношению к правой оппозиции. Таково было поведение Ворошилова сперва по отношению к правой оппозиции, затем по отношению к своим заместителям по военному ведомству.

Молотов пробовал сопротивляться и одно время висел на волоске. О каждом из этих ближайших сотрудников у Сталина имеются тетради документов, характеризующих их личные ошибки, промахи и другие грехи.

Устрялов¹ писал, что вымирание старшего поколения большевиков откроет ворота новым, более реалистическим тенденциям. Ленин писал по этому поводу, что враг правильно подметил опасность. Старые большевики представляли революционную традицию и международные связи, международную перспективу. С точки зрения задач международной революции это был незаменимый капитал. Особая и исключительная забота Ленина о старшем поколении революционеров диктовалась не только товарищеской солидарностью, но и соображениями политического характера.

Еще в 1923–1926 гг. вся борьба против «троцкизма» велась силой инерции под лозунгом сохранения старой гвардии. Оппозиция обвинялась в том, что она ведет подкоп под старую гвардию большевизма. Была создана особая комиссия по наблюдению за состоянием здоровья старых большевиков.

¹ Устрялов Н. В. — русский эмигрант, идеолог «сменовеховства» и основатель русского национал-большевизма. Вернулся в СССР, где и погиб в 1937 г. во время Большого террора.

Поворот в сторону открытого термидора не выразился ни в чем с такой яркостью, как в политической компрометации старой гвардии, а затем в ее физическом истреблении. Комиссия по охране здоровья старых большевиков была заменена небольшим отрядом палачей ГПУ, которых Сталин награждал орденом Красного Знамени. <...>

Непрерывные успехи Сталина, начиная с 1923 года, постепенно привели его к убеждению, что исторический процесс можно обмануть или изнасиловать. Московские процессы представляют собою высший пункт этой политики обмана и насилия. Вместе с тем они открывают период сползания. Сталин начинает явственно чувствовать, как почва осыпается и сдвигается под его ногами. Каждый новый обман требует двойного обмана для своего поддержания; каждое насилие расширяет радиус необходимых насилий. Начинается явный период заката, в течение которого мир поражается не столько силой воли и неколебимости, сколько низменными интеллектуальными ресурсами и политическими средствами. Ни обмануть, ни изнасиловать исторический процесс нельзя. Процессы, видимо, поразили всю демократию, за исключением ничтожной посвященной кучки. Никто не понимал, зачем эти процессы понадобились, никто не верил, что опасность со стороны оппозиции была настолько велика. Сталин, несомненно, не предвидел тех последствий, к каким приведет его первый процесс. Он надеялся, что дело ограничится истреблением нескольких наиболее ненавистных противников и смертельным ударом по IV Интернационалу за границей. В сущности, именно в этом состояла его главная политическая цель. Однако он сам не рассчитал силы удара. Он затронул ножом жизненные ткани правящего слоя. Бюрократия испугалась и ужаснулась. Она впервые увидела в Сталине не первого среди равных, а азиатского тирана, Чингисхана, как его назвал некогда Бухарин. Под действием толчка, который он сам вызвал, Сталин убедился, что он отнюдь не является безапелляционным авторитетом для всего старого слоя советской и партийной бюрократии (которая помнит его прошлое и уже потому одному не способна поддаться гипнозу). Сталину пришлось вокруг кружка очертить ножом следующий концентрический круг большего радиуса. Испуг и ужас возросли вместе с числом затронутых жизней и угрожаемых интере-

сов. В старом слое никто не верил обвинениям, и под влиянием страшной встряски все заговорили об этом друг с другом.

Несмотря на исключительную силу коварства, вооруженного всеми ресурсами государственной власти и новейшей техники, московские процессы, взятые в целом, поражают, как грандиозный абсурд, как бред ограниченного человека, вооруженного всей полнотой власти. Не будет преувеличением сказать, что в основных своих обвинениях процессы проникнуты духом тоталитарного идиотизма.

Своими чудовищными процессами Сталин доказал гораздо больше, чем хотел, вернее сказать, доказал не то, что хотел доказать. Он раскрыл свою собственную лабораторию химическую и всякую иную. Он заставил исповедываться 150 людей в никогда не совершенных ими преступлениях. А в сумме процессы превратились в исповедь Сталина. <...>

Еще совсем недавно Менжинский¹ состоял в распоряжении тройки, против оппозиционеров. «Неужели же вы думаете, — спросил Каменев Менжинского, — что Сталин один справится с государством?» Менжинский прямо не ответил: «А зачем же вы дали ему вырасти в такую грозную силу? — ответил он вопросом на вопрос, — теперь уже поздно». <...>

Общий замысел и инсценировки, мнимые планы заговорщиков, разделение ролей между ними — все это грубо, низменно даже под углом зрения судебного подлога. Сталин пришел к мысли о добровольных признаниях. Здесь не было заранее задуманного плана. Постепенно подбирались элементы человеческого унижения и самоотречения. Постепенно усиливалось давление. Так противоестественная механика добровольных показаний почти естественно выросла из роста силы давления тоталитарного режима. Посвященное лицо объяснило Бармину², что ГПУ формально обещало сохранить жизнь шестнадцати обвиненных по процессу Зиновьева, если они сделают требовавшиеся от них признания, жертвуя, таким образом, своей честью, чтобы доказать верность партии и борясь с троцкизмом. Чтобы их убедить, им сообщили декрет о праве обращения о помиловании, декрет, провозглашенный за пять дней перед процессом.

¹ Менжинский В. Р. — второй председатель ОГПУ после Ф. Э. Дзержинского.

² Бармин А. Г. — советский дипломат, разведчик, невозвращенец.

Каменев, наиболее расчетливый и вдумчивый из обвиняемых, питал, видимо, наибольшие сомнения насчет исхода неравной сделки. Но и он должен был сотни раз повторять себе: неужели Сталин решится? Сталин решился.

В первые два месяца 1923 года больной Ленин готовился открыть решительную борьбу против Сталина. Он опасался, что я пойду на уступки, и 5 марта предостерегал меня: «Сталин заключит гнилой компромисс, а потом обманет». Эта формула как нельзя лучше охватывает политическую методологию Сталина, в том числе и в отношении 16 подсудимых: он заключил с ними «компромисс», — через следователя ГПУ, а затем обманул их — через палача.

Методы Сталина не были тайной для подсудимых. Еще в начале 1926 г., когда Зиновьев и Каменев открыто порвали со Сталиным и в рядах левой оппозиции обсуждался вопрос, с кем из противников мы могли бы заключить блок, Мрачковский, один из героев гражданской войны, сказал: «Ни с кем: Зиновьев убежит, а Сталин обманет». Эта фраза стала вскоре крылатой. Зиновьев заключил с нами вскоре блок, а затем действительно «убежал». Вслед за ним, в числе многих других, «убежал», впрочем, и Мрачковский. «Убежавшие» попытались заключить блок со Сталиным. Тот пошел на «гнилой компромисс», а затем обманул. Подсудимые выпили чашу унижений до дна. После этого их поставили к стенке.

На Двенадцатом съезде партии в 1923 году Осинский, один из старых большевиков, выразил недовольство широких кругов партии диктатурой «тройки». Сталин ответил ему, что Осинскому не удастся разъединить Сталина с Зиновьевым и Каменевым. Зиновьев и Каменев могли бы напомнить об этом заявлении Сталину в своем последнем слове в качестве подсудимых, но договор с ГПУ лишил их возможности даже такого платонического удовлетворения.

Новый начальник ГПУ Ежов применил тактику, изобретателем которой надо признать по справедливости Ягоду, и добился тех же результатов. По процессу февраля 1938 года привлекался также секретарь Ягоды Буланов, в качестве отравителя, и был расстрелян. Каким доверием пользовался Буланов у Сталина, видно из того, что Буланову поручено было вывезти меня и мою жену из Центральной Азии в Турцию. Пытаясь спасти

своих двух бывших секретарей, Сермукса и Познанского, я потребовал, чтоб их отпустили со мной. Буланов, опасаясь громкого скандала на турецкой границе и желая устроить все миролюбиво, снесся в пути по прямому проводу с Москвой. Через полчаса он принес мне ленту прямого провода, на которой Кремль обещал прислать вслед Познанского и Сермукса. Я не верил этому. «Вы все равно обманете», — сказал я Буланову. «Тогда вы назовете меня подлецом». — «Утешение не большое», — ответил я.

1 декабря 1934 года был убит ленинградский наместник Сталина Киров. В дальнейших процессах признано было, что убийство совершено было под непосредственным руководством агентов ГПУ и по прямому приказу Ягоды. Сознательно ли Сталин пожертвовал головой Кирова, чтобы иметь тягу для похода против оппозиции, или же он надеялся задержать, приостановить организованный им самим заговор в момент перед тем, как спущен будет курок револьвера, сказать трудно. Сейчас, может быть, один Сталин знает, как это было в действительности, так как всех своих сообщников он успел истребить.

В заседании 9 марта Ягода показал, что он отдал по инструкции Троцкого своим подчиненным в Ленинграде распоряжение «не препятствовать террористическому акту против Кирова». Такое распоряжение было равносильно приказанию организовать убийство Кирова. 1 декабря 1934 года я не предполагал, что ГПУ организовало действительное убийство Кирова, считая, что целью являлось подготовить заговор, впутать косвенно оппозиционеров и в последний момент раскрыть покушение. Необходимость опубликовать во всеуслышание, что 12 ответственных чиновников ГПУ знали о заранее готовящемся покушении на Кирова и начальник ГПУ Ягода приказал им не препятствовать покушению, может быть объяснена только тем, что Сталину необходимо было во что бы то ни стало восстановить свое алиби. На верхах бюрократии шушукались о том, что «хозяин» начал играть головами своих ближайших сотрудников. Сталину стало совершенно необходимым оторваться от Ягоды, создать между собою и Ягодой ров и свалить в этот ров труп Ягоды. Так выросла для Сталина необходимость пожертвовать своим сотрудником № 1.

Вышинский сравнивал в своей обвинительной речи Ягodu с американским гангстером Алькапоне и прибавлял: «Но мы,

слава богу, не в Соединенных Штатах». Рискованное сопоставление! Алькапоне не был в Соединенных Штатах начальником политической полиции. А Ягода свыше десяти лет состоял во главе ГПУ, хотя, по словам Вышинского, Ягода «организатор и вдохновитель чудовищных преступлений».

Пересмотр прошлого довершался столь лихорадочными темпами, что разрушались вчерашние авторитеты. Официальнейший историк Покровский был после смерти объявлен врагом народа, так как недостаточно почтительно относился к прошлой истории России. Началась реабилитация не только старого национального патриотизма, но и военной традиции. Начались исследования русской военной доктрины, реабилитация русских стратегов, включая и 1914 год. <...>

В советской истории указано:

«В ночь с 25 на 26 октября революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом взяли Зимний дворец и арестовали Временное правительство». Это верно, не сказано только, что этим наступлением руководили Антонов-Овсеенко и Подвойский, ныне исчезнувшие.

«На II Всероссийском съезде Советов было сформировано первое советское правительство... Председателем Первого Совета Народных Комиссаров был избран Ленин». Это правильно, но, разумеется, история не отметила, что Ленин на заседании Центрального Комитета предложил во главе Совета Народных Комиссаров поставить председателя военно-революционного комитета — Троцкого. Только энергичный протест последнего побудил Ленина снять свое предложение.

Остановимся пока на этих цитатах. Картина совершенно ясна. Тот штаб большевистской партии, который руководил Октябрьским восстанием в центре и на местах, подвергся почти поголовному истреблению. Спаслись только те, которые успели вовремя умереть естественной смертью. Новый штаб Сталина состоит из людей, не принимавших никакого участия в вооруженном восстании или занимавших второстепенные посты. Новая история превращает всех вождей большевистской партии в изменников, а участниками гражданской войны, победоносного восстания назначает нынешних адъютантов Сталина.

Восстанием войск в Финляндии, сыгравшим крупнейшую роль, руководил член Центрального Комитета Смирнов, но он

расстрелян; восстанием Кронштадтской крепости руководил лейтенант Раскольников, но он исчез бесследно. Взятием Петропавловской крепости руководили Подвойский и Антонов-Овсеенко. Но они исчезли. На Урале среди военных вел работу нынешний ленинградский наместник Сталина, но еще десять лет назад никто решительно в партии не знал самого имени Жданова. «В Белоруссии подготовлял солдатскую массу к восстанию Ежов». Когда Ежов впервые появился на арене большой политики в 1935 г., имя его не было известно решительно никому.

В течение двух десятилетий во всех сферах государственной жизни происходил отбор наиболее выдающихся, наиболее подходящих, наиболее умелых и талантливых людей для наиболее ответственных постов. Советская дипломатия представляла, несомненно, исключительный подбор людей. Им не хватало, правда, подчас дипломатической рутин, но у них была зато широкая осведомленность, интернациональное образование, знакомство со столицами важнейших стран мира, с их печатью, политическими партиями. Люди, как Иоффе, Раковский, Красин, Чичерин, Карахан, Литвинов, не падают с неба каждый день.

Бармин пишет, что «почти все сотрудники Чичерина исчезли расстрелянные или заключенные». Никто не знает, почему был расстрелян в самой глубокой тайне, прежде чем он был глупо оклеветан в процессе 21, Карахан. У него не было недостатка в успехе среди женщин и, как пишет Бармин, «есть основания думать, что ему случилось задеть в этой области интересы генерального секретаря, который не забывает и не прощает ничего». Это весьма вероятно. Политическая мстительность шла рука об руку с личной мстительностью и нередко прикрывала последнюю.

Еще в большей мере это относится к военному ведомству, где отбор совершался в огне гражданской войны, практический опыт которой дополнялся затем годами серьезной теоретической работы. Люди, как Тухачевский, Егоров, Гамарник, Якир, Уборевич, Корк, Дыбенко, Путна, Алкснис и многие другие, представляли в полном смысле слова мозг и сердце Красной армии.

Бармин пишет: «Я видел Сталина, аплодирующего речи Тухачевского на последнем съезде Советов в Большом кремлев-

ском дворце. Когда Тухачевский появился на трибуне, весь зал стоя встретил его бурей аплодисментов. Эта овация отличалась от других своей силой и искренностью». Сталин, несомненно, различил хорошо оттенок этой овации, отметил и припомнил Тухачевскому через несколько лет.

В 1927 г. во время исключения оппозиции красный генерал Шмидт, прибывший в Москву с Украины, при встрече со Сталиным в Кремле наскочил на него с издевательствами и даже сделал вид, что хочет вынуть из ножен свою кривую саблю, чтобы отрезать генеральному секретарю уши... Сталин, который выслушал все, храня хладнокровие, но бледный и со стиснутыми губами, выслушав, как его называют негодяем, вспомнил, несомненно, десять лет спустя об этой «террористической» угрозе. Дмитрий Шмидт исчез, обвиненный в терроризме. Бармину рассказал этот факт Виктор Серж.

В 1927 году Микивай, старый товарищ Сталина по Кавказу, рассказывал мне о своей с ним беседе в Кремле. Микивай пытался убедить своего собеседника, что надо достигнуть какого-то соглашения с оппозицией, а иначе партия будет переходить от одной конвульсии к другой. Сталин слушал молча, с явным неодобрением, ходил по комнате, затем, отойдя к противоположному углу, пошел молча на Микивая, как бы вытянувшись весь, приподнявшись на цыпочках и приподняв одну руку: «Их надо раздавить», — сказал он глухим голосом. «Он был прямо-таки страшен», — сказал Микивай.

Сталин расстрелял четырех заместителей Ворошилова, его ближайших сотрудников, его наиболее доверенных людей в ближайшие несколько лет. Как это понять? Вероятно, Ворошилов вместе с ростом бюрократии и значением ее аппарата стал проявлять признаки независимости по отношению к Сталину. Весьма вероятно, что Ворошилова толкали люди, наиболее близкие к нему. Военный аппарат весьма требователен и прожорлив и нелегко переносит ограничения, налагаемые на него политиками, штатскими. Предвидя возможность развития прений и конфликта с могущественным военным аппаратом, Сталин решил своевременно поставить Ворошилова на место. Через ГПУ, т. е. Ежова, он подготовил петлю для ближайших сотрудников Ворошилова за его спиной и без его ведома и в последний момент поставил его перед необходимостью выбо-

ра. Ясно, что Ворошилов, предавший всех своих ближайших сотрудников и цвет командного состава, представлял после этого деморализованную фигуру, не способную больше сопротивляться Сталину. После расстрела его четырех заместителей, фактических руководителей, вдохновителей Красной армии, авиации и флота, Ворошилов оказался безнадежно скомпрометирован во всех сколько-нибудь мыслящих элементах армии.

По поводу расстрелянных генералов Красной армии Бармин пишет: «Я утверждаю с последней энергией, что эти люди, глубоко преданные советскому отечеству, которые в течение долгих лет готовили Красную армию для ближайших решающих боев в Польше сперва, затем с Германией позже, были психологически не способны и практически невозможны (не в состоянии) совершить преступления, в которых их обвиняли. Креден-ты германофильства, заговора, связи с немецким фашизмом, выдачи военных секретов представляют бесчинство, которое обнаруживает лишь моральный уровень своих авторов».

Никакого суда над лучшими полководцами Красной армии не было даже при закрытых дверях. Сталин расправился с ними в том же порядке, как Гитлер в июне 1934 года расправился с Реммом и другими. Уже после расправы восемь других генералов (Буденный, Блюхер, Шапошников и др.) получили готовый текст приговора, под которым им приказано было подписаться. Цель состояла в том, чтобы, убив одних, скомпрометировать других. Это вполне в стиле Сталина. Приговор так называемого Верховного Суда («Правда», 12 июня 1937 г.) обвиняет генералов в том, что они «систематически доставляли... шпионские сведения» враждебному государству и «подготавливали в случае нападения на СССР поражение Красной армии».

На процессе в феврале 1938 г., т. е. через десять месяцев после расстрела генералов, их судили попутно новым судом и, забыв отстранить слишком фантастические обвинения в шпионаже, приписали подготовку военного заговора. Генералы выступили на защиту Красной армии от деморализующих происков ГПУ. Они защищали интересы обороны.

Был ли действительно военный заговор? Все зависит от того, что называют заговором. Каждое недовольство, каждое сближение между собою недовольных, критика и рассуждение о том, что сделать, как приостановить пагубную поли-

тику правительства, есть, с точки зрения Сталина, заговор... И при тоталитарном режиме, несомненно, всякая оппозиция является эмбрионом заговора. Как далеко, однако, зашли разговоры, соглашения, планы вождей Красной армии? Все они или большинство сочувствовали правой оппозиции, поскольку недовольство крестьян находило в армии непосредственные отклики.

В то время как сельское хозяйство составляло источник существования трех четвертей населения, фермеры получили в 1929 г., т. е. в лучшем из послевоенных годов, всего одну восьмую национального дохода. Поскольку недовольство крестьянства насильственной коллективизацией находило в армии прямой и непосредственный отголосок, разумеется, связь между вождями правой оппозиции и вождями армии, хотя бы эта связь выражалась только в политической симпатии, представляла для Сталина прямую и непосредственную опасность. Расхождение между военачальниками и Кремлем, точнее, Сталиным, видимо, особенно обострилось в 1932–1938 гг., когда последствия насильственной коллективизации приняли особенно угрожающий характер.

Только в писаниях Голенберга, бывшего офицера Красной армии, высказывается уверенность в том, что Тухачевский, Гамарник и другие действительно участвовали в заговоре. Они в ниспровержении власти Сталина видели, по словам Голенберга, единственную возможность спасти обороноспособность страны. Доказательства Голенберга крайне шатки, он основывается скорее на психологических догадках, чем на каких-либо объективных фактах.

Царское правительство арестовало во время войны военного министра по обвинению в государственной измене. Союзные дипломаты говорили Сазонову: сильное же у вас правительство, если оно решается во время войны арестовать собственного военного министра. На самом деле сильное правительство находилось накануне крушения. Советское правительство не только арестовало и расстреляло фактического военного министра Тухачевского, но и истребило весь старший командный состав армии, флота и авиации. При помощи услужливых корреспондентов печати Москва в течение ряда лет систематически обманывала мировое общественное мнение. Услужливые журнали-

сты считали, что из чисток сталинское правительство вышло более монолитным, чем когда-либо.

Подготавливая в 1936 году массовую чистку, Сталин выдвинул идею новой конституции, самой демократической в мире. Господа Вальтер Дуранти, Луис Фишер и им подобные не стеснялись в словословиях по поводу новой эры демократии. Грубая и бесстыдная шумиха вокруг конституции преследовала в качестве главной цели завоевать мировое демократическое общественное мнение и на этом фоне раздавить оппозицию, как агентуру фашизма.

7-го марта 1933 года, в то время как Франция жадно искала сближения с Москвой, французский «Тан» жаловался на то, что мир привык видеть Сталина в «троцкистском» освещении, т. е. несравненно хуже, чем он в действительности. Сейчас, после серии московских процессов и серии разоблачений, после союза Сталина с Гитлером и разгрома Польши, многие, вероятно, склонны признать, что «троцкистское» освещение было очень близко к действительности.

Наряду с подготовкой самой демократической конституции шла серия банкетов, где говорилось о счастливой жизни и в течение которых Сталин снимался в кругу рабочих и работниц или со смеющимся ребенком на коленях. «Очевидно, готовится что-то страшное», — говорили люди, посвященные в кремлевскую механику. <...>

Подготавливая будущие процессы, кремлевское правительство добивалось создания трибунала против террористов при Лиге Наций. Цель состояла в том, чтобы убедить при помощи московских процессов, что я являюсь организатором террористических процессов в СССР, и добиться моей выдачи в руки ГПУ. 31 марта 1938 г. я обратился в секретариат Лиги с письмом, в котором доказывал, что целый ряд убийств в разных странах Европы совершен агентурой ГПУ и что эта агентура непосредственно подчинена Сталину. «При помощи документов, свидетельских показаний и неопровержимых политических доводов я берусь доказать то, в чем общественное мнение не сомневается давно, именно что главой этой преступной банды является Сталин, генеральный секретарь всесоюзной коммунистической партии в СССР». В заключение я выражал надежду на то, что Литвинов, столь горячо отстаивающий необходимость выдачи

террористов, не откажется приложить свое влияние к тому, чтобы вышеозначенный Иосиф Сталин был доставлен в распоряжение трибунала Лиги Наций. Не скрою от читателей, что инициатива моя не имела успеха. Впрочем, и все другие надежды, возлагавшиеся на Лигу Наций, оказались не более счастливыми.

В результате серии московских процессов оказалось, что из девяти человек, которые при жизни Ленина были в Политбюро, т. е. в верховном учреждении партии и государства, все, за исключением Сталина и своевременно умершего Ленина, оказались агентами иностранных государств. Во главе Красной армии стояли лишь изменники: Троцкий, Тухачевский, Егоров, Якир, Уборевич, Гамарник, Муралов, адмирал Орлов и пр. Важнейшие советские дипломаты: Раковский, Сокольников, Крестинский, Карахан, Юренев, Богомоллов и другие оказались врагами народа. Во главе промышленности, железных дорог и финансов стояли организаторы саботажа: Пятаков, Серебряков, Смирнов, Лифшиц, Гринько и другие. Во главе Коминтерна случайно оказались агенты фашизма: Зиновьев, Бухарин и Радек.

По приказу Троцкого, отделенного тысячами километров, становились иностранными шпионами глава правительства Рыков и большинство народных комиссаров: Каменев, Рудзутак, Яковлев, Розенгольц, Чернов, Иванов, Осинский и другие.

Агентами империализма оказались все без исключения главы трех десятков советских республик, руководители ГПУ в течение последних 10 лет, наиболее выдающиеся рабочие-революционеры, выдвинутые большевизмом за 35 лет (Томский, Евдокимов, Смирнов, Мрачковский), члены правительства Российской Советской Республики (все они состояли в заговоре против советской власти, когда она находилась в их руках). Наконец, заведывание жизнью и здоровьем вождей правительства было поручено отравителям. Глава политической полиции Ягода, которой поручена была высшая охрана государства, оказался организатором всех преступлений. Под этой картиной нужно поставить подпись мастера: Иосиф Сталин.